

Книги Евгения Красницкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ОТРОК. ВНУК СОТНИКА
ОТРОК. БЕШЕНЫЙ ЛИС
ОТРОК. ПОКОРЕННАЯ СИЛА
ОТРОК. БЛИЖНИЙ КРУГ
ОТРОК. СТЕЗЯ И МЕСТО
ОТРОК. БОГАМ — БОЖЬЕ, ЛЮДЯМ — ЛЮДСКОЕ
СОТНИК. БЕРУ ВСЕ НА СЕБЯ

В соавторстве с Еленой Кузнецовой
и Ириной Град

ОТРОК. ЖЕНСКОЕ ОРУЖИЕ
ОТРОК. БАБЫ СТРОЕМ НЕ ВОЮЮТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ,
ЕЛЕНА КУЗНЕЦОВА,
ИРИНА ГРАД

ОТРОК.
БАБЫ СТРОЕМ
НЕ ВОЮЮТ

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К78

Серия основана в 1992 году
Выпуск 834

Художник
М. Поповский

Красницкий Е. С., Кузнецова Е. А., Град И.
К78 Отрок. Бабы строем не воюют: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 409 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1420-8

Законы управления и в женском мире действуют так же, как и везде. И если женщина — управленец слабый, неумелый, неопытный, не располагает достаточным материальным или интеллектуальным ресурсом, то она чаще прибегает к силе и принуждению, чем управленец, обладающий большими возможностями. Только вот сила и принуждение в женском мире зачастую выглядят совершенно иначе, чем в мире мужском, а советы и поучения управленцев-мужчин женщина воспринимает очень и очень по-своему. Она почти всегда найдет что возразить, но зачастую делает это только мысленно. А зачем возражать? Все равно строит все так, как сама сочтет нужным.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1420-8

© Красницкий Е. С., Кузнецова Е. А.,
Ирина Град, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Авторы сердечно благодарят за поддержку, советы и критику пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru/>: Kathrinander, гамаюн, Коняга, serGild, Потоп, Namejs и многих других. Друзья, вы нам очень помогли.

ГЛАВА 1

Неурочной поездкой в Ратное Анна намеревалась убить несколько зайцев. Строительство усадьбы для Андрея откладывать нельзя, с приказом воеводы не поспоришь — это во-первых. Во-вторых, Демкина выходка подтвердила, что новую родню, которая во множестве толклась на лисовиновском подворье, надо срочно пристраивать к делу и расселять из Ратного. И так с этим затянули дальше некуда — вот и получили позорище на все село. Кабы не проводы полусотни, боярыня, может, и раньше бы собралась. Ждать до воскресенья? В суете, с девками, что там решишь? Вот сейчас, когда ее не ждут, — в самый раз приехать и не спеша, вдумчиво во всем разобраться.

Ну и наконец, Татьяну проводить, как подобает, со всем уважением. Как-никак тоже боярыня Лисовинова. Накануне, разогнав после обеда девиц по занятиям: кого к Арине, кого — к Прошке, Анна обратилась к снохе, которая все еще неспешно трапезничала, погруженная в свои мысли.

— Как ты сегодня? — За гулом голосов суетящихся с посудой холопок и прочим шумом, царящим в это время в кухне, гостя не сразу услышала обращенный к ней вопрос, так что пришлось повторить. — Ребеночек-то не беспокоит?

Татьяна в ответ закивала и улыbnулась, словно сразу становясь моложе:

— Да вроде как ничего, Ань, вчера умаялась, конечно, а спала хорошо, с устатку и не чуяла ничего... А сейчас только голова немного кружится, от жары небось. Вон давеча...

Она явно собралась обстоятельно поведать о своем самочувствии, но Анна не дала ей договорить — по привычке прежнего, ратнинского, житья взяла на себя роль ведущего в разговоре и решительно переменила тему:

— Ну так пойдем отсюда, если поела уже. На улице-то попрохладнее... А Кузьма у тебя какой молодец! Прямо удивительно!

— Кузенька? — Довольная гостья было улыбнулась, но тут же потускнела. — Не иначе опять что-то этакое издал... он же у нас мастеровитый. Весь в Лавра, — со вздохом закончила она.

— Да нет, не в том дело: на отца-то он и впрямь похож, тут ты права, но ведь и от деда тоже немало взял! А теперь сам уже, почитай, наставником стал — выбрал себе двух помощников и учит их.

— Это Кузьма-то? — охнула собеседница. — Учит?

— Ага. Прямо на глазах взрослеет.

— Взрослеет... — опять вздохнула Татьяна. — И он тоже. А ведь совсем еще мальчишка...

— Да все они мальчишки. — Анна не смогла скрыть тревоги, которая мучила ее со вчерашнего дня, после проводов. — Только вот взрослеют слишком быстро.

— Да уж. Мои совсем чужими стали, мать им вроде как больше и не нужна. Я вот приехала, — всхлинула Татьяна, — а они все заняты. И понимаю я, что так оно и надо, но... хоть бы годик еще детьми побыли, подле меня.

За таким неспешным разговором Анна довела послушно следовавшую за ней сноху до своей светлицы.

— Располагайся на лавке поудобнее да успокойся. На вот рушник, вытри глаза. Подушку тебе под спину пристроить?

Татьяна благодарно кивнула и завозилась на лавке, пристраиваясь так, чтобы спина не устала.

— Тань, ты когда в Ратное возвращаться хочешь?

— Ох, Ань... да я и не знаю... надо бы поскорее. Сама понимаешь — надолго хозяйство без пригляду не оставишь... Как Кузя повезет, так и поеду.

— Ну-у, пока еще он соберется, дел-то у него и вправду много. А мне самой все равно в Ратное съездить надо, так, может, вместе и отправимся? Тебя довезем — на наших-то телегах сподручнее. Видела небось, как девки приезжают? Тебе сидеть способнее будет — спине легче.

— А не растрясет меня? Голова не закружится? — Татьяна и хотела опробовать новшество, про которое в селе давно

судачили, и опасалась. Мало ли что девки ездят, они, чай, не беременные. — Ну да ладно, авось доеду с Божьей помощью. По дороге тогда и поговорим, а то батюшка придумал, а нам расхлебывать.

— Доедешь, будь спокойна. Я велю отрокам еще мешков с сеном в телегу положить, так что если сидеть устанешь — ляжешь. Сегодня-то ехать уже поздно, а завтра с утра и тронемся... если с тобой все в порядке будет. А поговорить... поговорить лучше сейчас, пока рядом лишних ушей нет.

— Каких ушей? Ты про что?

— Да про отроков я... возницей-то кто-то из них поедет, да и охрана с нами будет, а они иной раз болтливее девченок. Зачем нам, чтобы об лисовиновские дела кто-то язык трепал?

— А... ну это да, конечно... только лезут тут всякие... в Лисовины-то, — выпалила младшая сноха.

— Это ты про кого? — Голос Анны резко построжел, но Татьяна ничего не заметила.

— Да про Арину эту... Вот уж не думала, что кто-то на Немого позарится да голову ему задурит... Ну да баба молодая, справная... Батюшка наш, хоть Листвяна его к рукам и прибрала, а все равно — эта только плечом повела, так он готов всю семью обделить, лишь бы ей угодить. Самому-то Немому оно и без надобности — сколько лет при нас жил и доволен. Чего ему не хватало-то? Ох, могут же некоторые мужей разума лишать!

Татьяна поджала губы и сокрушенно покачала головой, являя собой образец добродетельной жены:

— Скромных да работающих только на словах хвалят, а как до дела дойдет, вот такие Арины да Листвяны все и получают. Вот и Лавр мой... — Она все-таки не удержала слез. — Когда он к тебе... и то лучше было. Он тогда и спокоен был, и меня не обижал, а теперь... словно на пенек смотрит! Настена не разрешает нам сейчас с ним спать, так он и рад! Ну чего тебе тогда не хватало? Жили бы тихо, как по древнему обычаю заведено, и батюшка не попрекал... А сейчас...

Анна оторопело смотрела на сноху. Вот уж чего она от Тани не ждала, так это напоминания о Лавре. Сама-то всеми силами старалась выкинуть из памяти то, что когда-то

связало ее и мужнина брата, а тут — нате вам! Спасло ее, что сноха опять залилась слезами, уткнулась в рушник и ничего не замечала и не слышала.

«Нет, ничего отвечать не буду, а то еще неизвестно, до чего договоримся. А вот про Андрея...»

— Ну-ну-ну... водички вот выпей. Давай-ка я рушник намочу, оботри лицо-то... Увидят, что обо мне подумают? Скажут, боярыня гостью дорожую обидела...

Анна хлопотала вокруг родственницы, а сама медленно закипала.

«Ну, Дарена, ну, напела... Доберусь я до тебя завтра!»

Всхлипы становились все реже, наконец Татьяна отняла рушник от глаз и уставилась на хозяйку.

«Господи, неужто и я в тягости такой же дурой выглядела?»

— Тань, ты как, успокоилась? Слушать-то можешь? — Мягкость из голоса куда-то исчезла, с гостьей теперь говорила не родственница — боярыня.

— Ты чего, Ань? — Татьяна не поняла, с чего Анна так переменялась, и испугалась.

— Да все бы ничего, только вот за что ты так Андрея обездолить хочешь? Чем он перед тобой провинился? Али не человек он? Ведь родич нам... батюшку Корнея собой от смерти закрыл.

— Как обездолить? — все еще не понимала Таня. — Чего ему не так-то? Батюшка Корней с ним как с сыном... того и гляди... бабы-то вон говорят...

— Бабы! — взорвалась Анна. — А ты куда смотришь? При тебе близкую родню хаот, а ты молчишь да слушаешь? Ладно бы просто слушала, так еще и повторяешь...

— Ну так они же правду говорят. И о нем тоже пекутся — не чужой ведь. Он при нас спокойно жил, а теперь?

— Озаботились, значит? — зло усмехнулась Анна. — Пряма-таки для его пользы стараются! Все у него есть, говоришь? А семья у него есть? Дитя свое он на руках держал? Жену обнимал?

— Да нужен он ей! Ну сама посуди — с чего это такая, как она, с ним, с увечным? Ей же добро наше глаза застит! Ишь, возле сильного рода пристроиться захотела!

— А ты ей в глаза хоть раз посмотрела, что так судишь?

Увечный? Да он ей дороже любых красавцев — вон Глеба отшила, как и не видела его.

— Г-глеба? К-когда? — от неожиданности заикнулась Таня, а Анна вдруг хихикнула по-девчоночьи, вспоминая недоумевающее лицо записного ратнинского сердцеда.

— Да ты не обижайся, не над тобой я смеюсь — так, вспомнилось...

И вдруг ее отпустило; куда-то пропала досада от того, что приходится отрываться от насущных дел и тратить время на разговор с Татьяной, исчезло раздражение на слабую характером и невеликого ума сноху. Повяло чем-то знакомым домашним, теплым. Она и задумываться не стала, отчего так — просто отдалась этому ощущению, позволявшему хоть ненадолго забыть о свалившихся на нее заботах и тревогах.

А все было просто: они сейчас ненадолго вернулись в те времена, когда после смерти свекрови Анна решительно взяла на себя обязанности большухи лисовиновского рода, а Татьяна не только не воспротивилась этому, но и с видимым облегчением спряталась за ее спину. И вот сейчас, как и в прежние годы, Татьяна могла всласть пожаловаться и поплакаться, а Анна — более сильная духом, больше в жизни повидавшая — утешала, наставляла, уговаривала. Совершенно неважным вдруг оказалось, на что именно жалуется Татьяна и что отвечает ей Анна — важен стал сам разговор, на краткое время возвративший их к прежним отношениям. И, хотя обе и понимали, что вернуть их навсегда уже невозможно, но существует на свете такое бабье утешение: хоть час, да мой.

Так и сидели рядышком в светлице две женщины, волею судьбы когда-то вошедшие в род Лисовинов: одна — не без трепета, но решительно взявшая на себя, когда это потребовалось, роль хозяйки, и другая — на которую эта роль свалилась вопреки желанию, придавив неподъемным для нее грузом. И обе боялись какой-то неловкостью разрушить это неожиданно возродившееся ощущение прежнего: Татьяне сладостно было вновь оказаться за спиной сильной и умной Анны, а Анне хоть на какое-то время забыть о тяготах боярских обязанностей.

Однако... ушедшего не вернешь, как ни старайся. В преж-

ние времена, скорее всего, на сплетне про Глеба разговор и закончился бы, но теперь...

— Ты мои слова про Андрея запомни да потом подумай крепко, так ли хорошо ему жилось, как тебе напели. — Анна вернула выражению лица и голосу наставительную строгость. — А что до хозяйства ему да Арине... Ты вот все про горшки да ухваты толкуешь, а речь-то о другом надо вести. Еще один Лисовин семьей обзаводится, род увеличивается, сильнее становится, а ты об утвари печалишься. Радоваться надо!

Татьяна собралась было возразить, но Анна ей не дала:

— Да, радоваться! Тем более что почти ничего из ратнинской усадьбы Лисовинов и отдавать не придется. Родне твоей про бунт забыть простительно, но ты-то должна помнить!

— А при чем тут бунт, Ань? Бунтовщиков-то, кто жив остался, кого к родне отправили, кого просто так изгнали.

— Ну да, отправили... с тем, что на телегу поместилось. А остальное?

Недоумение на лице Татьяны медленно сменялось сомнением, потом пониманием и опять сомнением пополам с облегчением.

— Ань, так батюшка Корней отдает то, что от них осталось, да?... Ой, а я-то...

— Ну кое-что добавить все-таки придется... Да не дергайся ты... так, по мелочи. Арина и сама не с пустыми руками сюда явилась — привезла три телеги всякого добра, что от огня спасли.

— Три телеги, говоришь, привезла... — затянувшееся молчание снохи заставило Анну взглянуть на нее пристальнее. — Ну так чего ей еще-то? Семья пока небольшая, к нам-то вон сколько прибыло, да не с тремя телегами... — поджав губы, покачала головой Татьяна. — Да и на чужом горе, сама знаешь, счастья не построишь... хоть и нет хозяев давно, утварь зазря вроде пропадает, но все равно как-то оно...

— Ты чего, Тань? Бунтовщиков жалеешь? Ты лучше подумай, что бы с тобой Марфа сделала, если бы не Лисовины верх взяли, а ее Устин.

— Свят-свят-свят! — испуганно обмахнула себя крестом Татьяна.

— То-то же! Или ты не бунтовщиков, а их добро пожалела? Так им все равно Корней распоряжается, а не всякие там... Нам же его волю выполнять надлежит. И выполним! Ты меня поняла?

— Да поняла я, поняла, что ж ты так-то... И подумать уж ничего нельзя...

— Об этом уже подумали. А ты лучше заткни этих клуш, пусть не кудахчут и Арине вслед не шипят.

— Тебе легко говорить, — продолжила свои причитания Татьяна, — у тебя все по ниточке ходят, вон, девки-то в трапезной давеча дохнуть лишний раз боялись, а я измучилась.

«Измучилась она... Знала бы, сколько я сил да времени на такую легкость потратила...»

— Не образумятся — я сама за них возьмусь, да и Арина не спустит при случае — а у нее язычок-то поострее засажника.

Тут бы боярыне Лисовиновой и остановиться, а она зачем-то свернула на привычные хозяйственные дела: кого из куньевских предстоит отправить на выселки, кого возможно со временем переселить в крепость, спрашивала, какие припасы уже заготовлены на зиму... Любой хозяйке такой разговор понятен и привычен, но в какой-то момент Анна с удивлением поняла, что ежедневные хозяйственные заботы ратнинской усадьбы ей не то чтобы не интересны, а просто-напросто ее не касаются.

«Все, матушка-боярыня, уехала из Ратного — отрезанный ломоть. Нет, конечно, совсем без пригляда усадьбу оставлять нельзя, но то, что здесь, в крепости, важнее. Господи, ну прямо как опять в чужую семью замуж ушла... хотя нет, не в чужую, здесь все мое, здесь я сама все создаю! Надо же, как обернулось, а ведь без Танькиного нитья, наверное, не скоро такое в голову пришло бы».

На следующее утро Анна устроила Татьяну на «девичей» телеге со всем возможным удобством и в сопровождении полудесятка охраны под командой младшего урядника Климента отправилась в Ратное. Дорога, и без того длинная и скучная, в этот раз показалась боярыне настоящим испы-

танием: беременная сноха почти без роздыху то ахала и охала на каждом ухабе, то принималась жаловаться на щенков, которые своим воем не давали ей всю ночь заснуть. Понимая, что Татьяне и правда нелегко дается путешествие, а тряска в телеге может ей повредить, Анна не торопила возницу, велела ехать тихо, с бережением. Какое-то время они даже не спеша прошлись, чтобы ноги размять.

Сопровождающие их отроки осторожно снесли Татьяну с телеги, побряхтывая под весом отекавшей от тяжелой беременности женщины. Поставили на дорогу, подождали, пока она, охнув от неожиданности, утвердится на ногах, и вопросительно посмотрели на боярыню — все ли ладно?

— Молодцы, ловко управились. Возница пусть телегу за нами ведет, а остальные позади нее едут, — скомандовала Анна младшему уряднику. — Мы немного сами пройдемся, пока боярыне Татьяне от тряски худо не сделалось.

— Так, это... — замялся Климент, — матушка-боярыня, неже так.

— Это еще что за новости? — Анна изумленно воззрилась на него. — Ты мне перечить взялся?

— Прости, матушка-боярыня, но у нас приказ есть, строгий. — Отрок сглотнул, оглянулся на своих подчиненных и опять уставился на Анну.

— Какой такой приказ? Кто посмел?

— Господин старший наставник приказал в пути женщин одних вперед не пускать! Сначала охрана должна дорогу проверить! — отчеканил младший урядник.

«Господин старший наставник, говоришь? Ай да Лешка... слов нет... Издалека — и то бережет».

— Ну господин старший наставник свое дело знает. — Парни облегченно выдохнули. — Молодцы, хвалю.

— Рады стараться, матушка-боярыня!

По команде младшего урядника двое отроков отправились вперед, за ними, чуть погодя, шли Анна с Татьяной, за ними, опять же в некотором отдалении, ехала телега, а позади нее — остальные отроки, настороженно оглядываясь по сторонам.

Так, за разговором, то на телеге, то на своих двоих женщины не спеша добрались до Ратного намного позже, чем

Анна рассчитывала. Прибыли и узнали, что ратнинская сотня рано утром тоже ушла в поход. Татьяна сразу же взвыла — Лавра не проводила! Не к добру это! У Анны уже не оставалось ни сил, ни времени опять ее успокаивать. Передала сноху с рук на руки Дарене, наказав устроить ее в горнице и по возможности чем-то отвлечь от причитаний.

— Как все сделаешь, опять меня найди, — коротко приказала боярыня бывшей большухе Славомирова рода и отвернулась к Листвяне, ожидавшей ее распоряжений.

«Холопка, а как держится! И сыновья в первый раз в поход ушли, и Корней проводила — а хоть бы слезинка в глазах! Кремьень-баба. Если сумеет-таки батюшку окрутить, то всех тут под себя согнет».

— Значит, так: я сейчас по усадьбе пройду, посмотрю, что да как без меня тут делается, потом позовешь мне тех холопов, про которых тебе Корней Агеич наказывал... помнишь? — Листвяна кивнула и повернулась было к двери, но Анна ее остановила. — Погоди. Обед мне сюда подашь, а как поем — пусть Дарена придет. И сама поблизости будь — я с тобой после всех поговорю. Ступай.

Не было у Анны таких уж срочных дел на подворье: она прекрасно знала, что в хорошо отлаженном хозяйстве и без нее все идет своим чередом. Однако вчерашнее осознание ненужности ее вмешательства в жизнь ратнинской усадьбы, мысль о том, что ей это не только не надо, но и неинтересно, не давали покоя. Приезжая в село по воскресеньям, она регулярно замечала небольшие, незаметные постороннему глазу перемены. И не сказать, чтобы к худшему, но она отдала этому дому много лет, положила немало сил, устраивая его уклад так, как считала нужным, полезным и удобным, а теперь с недоумением и раздражением отмечала, как постепенно этот уклад изменяется, как новые хозяйки приспособляются к собственному разумению.

Анне, конечно, и в голову не приходило, что чувства, которые она испытывала, были и будут равно близки и понятны миллионам женщин и до, и после нее. Именно женщин, потому что мужчины по большей части этих чувств не только не испытывают, но нередко и не знают о них, а если знают, то, не мудрствуя, величают бабьими дрызгами или вовсе бабьей дурью. Да и с чего бы им относиться к этому иначе,

если нелады, вплоть до настоящей вражды, складываются у вошедших в семью невесток и зятьев именно с тещами и свекровьями, а не тестями и свекрами? А начинается-то с малого — с мелочей, мужскому взгляду подчас вовсе не видимых.

Любая хозяйка обустроивает дом по-своему, вкладывает в это дело всю душу. Порой годы уходят на то, чтобы исподволь приучить домашних к единственному и неповторимому укладу жизни; настроить его, словно музыкальный инструмент. Муж этот порядок замечает, только когда он по какой-то причине нарушается, да и то не всегда, а для женщины в нем немалый смысл заложен. Дом — это продолжение ее самой: характера, привычек, предпочтений. Любые изменения в этот уклад вносятся только с ее согласия и одобрения. Муж может, не спросив жену, принести в дом новый сундук или еще какую вещь, но место ей определит только жена.

В каждом доме свои запахи, шумы, настроение, разговоры и обычаи. И творит все это хозяйка, словно создает сложный узор, где любой стежок должен безошибочно укладываться в общую картину. А потому, коли появляется в доме новый человек — невестка или зять, каждый из которых привык к иному укладу, пусть даже заведенному в соседнем доме, но другой хозяйкой, и сразу же в жизненном узоре появляются необратимые изменения. На привычных местах не оказывается нужных вещей, обыденные действия делаются не тогда и не так, разговоры идут не о том. Мужу, когда он велит, скажем, принести ему рукавицы, все равно, вытащат ли их из короба, стоящего под лавкой, или снимут с полки в сенях. А для хозяйки это уже слом устроенного ею порядка, особенно если она, сунувшись в привычное место, не обнаружит искомого, потому что невестка переложилла это туда, куда с малолетства убирала в родительском доме. А если еще и хозяин проворчит: «Копаетесь, простой вещи от вас не дожидаться»... Вот так и рождаются разговоры о том, что зять с тещей или невестка со свекровью живут как кошка с собакой.

Не происходит такого, только если свекровь или теща умнее или сильнее невестки или зятя. В первом случае, не

без скандала и скрипа, молодой пришелец постепенно встраивается в созданный большухой порядок, а во втором, что зять, что невестка, все едино, ломаются «через колено» и тихо ненавидят тещу или свекровь даже и после ее смерти.

Свекрови Анны — незаконнорожденной княжне Аграфене Ярославне, доставало и ума, и силы, но и сама Анна не была ни дурой, ни размазней, так что... утряслось как-то без особых скандалов и ломки, хотя свою долю слез Анна все-таки пролила. Сейчас же, приезжая в ратнинскую усадьбу только по воскресеньям и замечая накапливающиеся мелкие изменения в домашнем укладе, она постепенно начала осознавать, что изменения-то исходят не от одной женщины, а от нескольких — будто сразу несколько невесток в доме поселилось, хотя ни Мишаню, ни уж тем более Сеньку она пока не женила.

После того как во время разговора с Татьяной в крепости Анне пришла в голову мысль, что пора отвыкать от роли большухи в ратнинской усадьбе (но не в роду Лисовинов!), ей остро захотелось разобраться, кто же вносит изменения в оставленный ею уклад домашней жизни, кто обустроивает жизнь усадьбы по-своему и как именно? Вот это-то желание и повлекло ее по многочисленным строениям, переходам и закуткам обширной лисовиновской усадьбы.

В большом доме — жилище Корнея — чувствовалась рука Листвяны. Сам воевода и не заметил бы ничего, в хозяйских покоях ключница строго блюла порядок, привычный и удобный Корнею. Даже если и появились едва заметные изменения, то, без сомнения, глава рода Лисовинов либо одобрил их, либо не заметил. На кухне же, в кладовых, погребах и вообще на подворье Анна явственно видела то по-другому расставленные горшки, то передвинутый на новое место ларь, а то и вовсе новые полки на стене, которых при ней не было: то ли в голову не пришло, то ли не нужны были, а вот теперь понадобились. Да и много еще всякого. Только в оружейной, наверное, ничего не изменилось, да и понятно — бабам туда ход заказан.

А вот там, где поселились новообретенные родственнички, «не так» было все! Даже запах на кухне стоял совершенно другой, даже люди двигались по-своему. Ничего удивительного, что Дарена так быстро и легко подмяла под себя

Татьяну. Младшая боярыня Лисовинова много лет жила под началом Дарены-большухи и с детства привыкла ей подчиняться. С появлением куньевской родни Татьяна вновь попала в знакомые с детства запахи, вспомнила привычный когда-то уклад жизни — и не хотела терять вновь обретенное, боялась его потерять, сейчас, в ее состоянии — особенно. Где, как не в родительском доме она могла почувствовать себя более защищенной и ни за что не отвечающей? Вот этой давней безмятежностью и защищенностью на нее и повеяло. Так что Дарена не столько подмяла ее, сколько просто подставила руки, принимая от судьбы такой подарок.

Ратнинская усадьба теперь напоминала Анне горшок с еле заметной, волосяной толщины трещиной: и не видно ее, и воду она не пропускает, но если не замазать ту трещинку, то рано или поздно горшок распадется на части.

«А кто замазывать-то станет? Мне не разорваться... да и не надо мне уже этого: моя жизнь — в крепости. Дарена? Сил и опыта у нее достанет, конечно, но как тогда быть с Листвяной? Она же никого мимо себя в хозяйки не пропустит, даром что холопка пока. А Дарена с таким возвышением ключницы никогда не согласится, она и мое-то старшинство еле терпит. Ведь умна баба, не отнимешь, но смирить себя не в силах и оттого, как дура последняя, упирается — и себе во вред, и детям. Значит, коли гнущься она не хочет, ее надо ломать без жалости, да так, чтобы подняться уже не сумела!»

Если Мишаня или Леша все-таки извернутся, и Первак из похода не вернется, то Листья вольной еще до родов станет. Она здесь, на подворье, и сама со всеми делами управится, но если так, то, значит, сама себя и возвысит. А вот коли она ИЗ МОИХ рук власть над остальными бабами получит... Конечно, Корней все решил, не я, но оно и не важно — главное, что для остальных баб это будет и моей волей!»

Приняв наконец решение, Анна с легким сердцем завела разговор с холопами, семьи которых собирались передать Андрею с Ариной.

После памятного заявления у церкви, когда Корней ошеломил все семейство, а заодно и односельчан, громогласным обещанием не поскупиться, выделяя Андрею Не-

тому его долю на обзаведение хозяйством, все Ратное гудело, гадая о размерах этого самого надела. А воевода и вправду мелочиться не стал. И хотя сам он, естественно, никому ничего докладывать не собирался, слухи о его невиданной щедрости пошли гулять самые невероятные. Дело усугублялось тем, что точный перечень имущества оставался пока неизвестен, а то, о чем уже узнали, впечатляло. Мало того, воевода в очередной раз доказал, что он мудр, аки змий, и не менее хитроумен: извернулся так, что и овцы остались целы, и волки сыты.

Ратнинцы уже забыли, а кое-кто и не знал, что мельник Степан, все больше тяготясь воинской службой в сотне, намеревался поставить еще одну, уже свою собственную, а не общинную, мельницу, а при ней дом. То ли хотел там одного из сыновей со временем поселить, то ли сам туда перебраться собирался, а усадьбу в селе сыновьям оставить — не суть. Главное, что он уже приготовил все потребное для новой постройки, да не скупясь — делал-то для себя, любимого, но успел только перевезти разобранный сруб к месту строительства — бунт спутал все планы. Победители же, как исстари водится, все имущество побежденных прибрали к рукам, и сотнику, помимо всего прочего, достался совсем новенький сруб. Сразу ли Корней предназначал его для Андрея, или эта светлая мысль осенила его только после появления у того целой кучи подопечных, он никому, разумеется, не сообщал, а самого Андрея не то обрадовал, не то озадачил новыми, совершенно непривычными хлопотами. Затевая постройку крепости, воевода частым гребнем прошелся по всем усадьбам бунтовщиков, подчистую выгребая все запасы мало-мальски пригодных для этого дела бревен. Готовые же и ожидающие только сборки срубы хоть и переправили в крепость, но сложили отдельно: может, Корней ожидал, может, просто надеялся, что одними крепостными строениями внуки не ограничатся. И в очередной раз оказался прав.

Ну а после такого щедрого дара, как добротное жилище и несколько холопских семей, всякая мелочь вроде утвари, рухляди, скотины и птицы, сотника и подавно не волновала: бунтовали-то не самые бедные ратнинцы, трофеев всем хватило. Вот из этого-то имущества Корней и приказал вы-

делить Арине на обзаведение все, в чем нуждается семья. Андрею же откровенно заявил, что баба ему попалась толковая, сколько чего потребно — сама сообразит, лишнего не хапнет, потому как скупердяйством не страдает, а значит, нечего у нее под ногами болтаться да в бабьи дела встревать.

Двое холопов в летах, главы семей, получили от боярыни приказ взять с собой старших сыновей, плотницкий инструмент, припасы на неделю и на следующий день отправляться в крепость.

— Найдете старшину артели мастера Сучка, — распорядилась Анна, — он вам покажет, где лежит разобранный сруб, который вы для нового хозяина, Андрея Кирилловича, и его семьи поставите. Отныне ваша хозяйка — Арина Игнатовна. Она и укажет, что вам дальше делать надлежит. Все понятно?

Младший из холопов только кивнул, а старший почесал в бороде и прогудел:

— Это... боярыня... нам бы пару детишек с собой взять... кого постарше... или баб...

— Детишки-то вам зачем?

— Это... ежели жилью ладить, так мох нарезать кому-то надо, да и всякое другое по мелочи... а у нас рук не хватит... А работа нетяжелая, мой меньшей мне уже помогал, справится.

— Ладно, берите еще пару мальчишек и завтра же с утра отправляйтесь. А сейчас ступайте, собирайтесь, — махнула рукой боярыня.

Когда Анна, обойдя все закоулки усадьбы (и не вспомнить, когда в последний раз столь дотошно все осматривала), направилась к главному строению, на крыльце ее уже дождалась Листвяна с известием, что стол к обеду накрыт. И ведь сумела подгадать, подглядывала за боярыней, что ли? Но удивление чуть не перешло в оторопь, когда Анна увидела, КАК накрыта для нее трапеза. Только для нее одной, в торце большого стола — на том месте, где обычно восседал Корней...

Чего ей стоило с невозмутимым видом проследовать через горницу, сесть («Спину, спину держать... сама же девок

учу!»), ополоснуть руки в поднесенной девкой-холопкой лохани, вытереть их поданным рушником. И все это, стараясь не коситься на стоящую возле двери Листвяну, по обыкновению сложившую руки под грудью и непостижимым образом сочетающую вид ключницы, готовой исполнить любое приказание, и суровой надсмотрщицы, следящей, чтобы молодая холопка не допустила какой-либо неловкости.

«Конечно, у батюшки-свекра не забалуешь, он кого угодно подчинению выучит, но эта ведь не только сама подчиняется, но и других подчинять умеет — вон как холопки у нее по струнке ходят! ... И из лука лихо стреляет, ну прямо Лука Говорун в юбке, только все больше помалкивает. Себе на уме бабонька...»

И вдруг как озарение:

«Навыки десятника и девки да молодухи с самострелами под ее рукой! Только пожелает, и из усадьбы никто живым не выйдут... Так и не вышли же! Было уже такое: никто из бунтовщиков, что той ночью пролезли в ворота, назад не вернулся! Всех вперед ногами вынесли!»

Горница, знакомая до последней, самой мелкой трещинки в бревне, мгновенно обратилась в клетку, ложка в руке дрогнула и чуть не выпала из враз ослабевших пальцев, глаза вскинулись на Листвяну, а навстречу — вопросительный взгляд: «Что-то не так, хозяйка?» — и готовность немедленно исправить то, что вызвало неудовольствие боярыни.

«И ведь не притворяется! На самом деле обеспокоена, чем хозяйке не угодила. Но Корней-то она уже обротала! И десяток стрелков при ней!»

Анна закашлялась и, мотая головой, отмахнулась от подавшейся к ней ключницы, мол, не нужно ничего. Она не поперхнулась, просто вид сделала: надо же было как-то оправдать вскинутые на Листвяну глаза, иначе сущая нелепица выходит — боярыня, большуха лисовиновского рода, испугалась холопки-ключницы.

Листвяна отступила на прежнее место, а Анна продолжила трапезу, но даже не замечала, что ест — не до еды ей стало, уж больно тревожные мысли нахлынули.

«А ведь я еще и сама ее усиливаю: если Леша с Перваком устроит все, как уговорено, то Корней повинен дать ключнице

волю и кормить ее, пока сыновья в возраст не войдут. Тогда ребенка от Корнея родит уже не полонянка-холопка, а вольная женщина. Совсем другое дело. Крестить новорожденного Корней конечно же понесет сам — в его-то возрасте такой повод для гордости! А отец Михаил наверняка не удержится от попрека: мол, в блюде дитя прижито, от невенчанной жены... Невместно воеводе, он же христианские строгости в Ратном насаждает... Один выход — жениться на Листвяне! Листька — воеводица? Боярыня? Листька — большуха Лисовиновская?! И все это я своими руками? Господи, да неужто и впрямь, как святые отцы учат, злодейство против самого злодея оборачивается? Ведь это же я Первака приговорила!

Нет!!! Я мать, я в своем праве, я детей своих защищаю!!!»

Извечная материнская уверенность в своем праве ради спасения детей перешагнуть через все и всех придала Анне силы и помогла успокоиться.

«Хватит, матушка-боярыня, прежде страха пугаться! Сразу об этом не подумала, а сейчас дело уже сделано, поздно слезы лить. У кого помощи искать? Об Корнее и речи нет, а кроме него? Опять Аристарх!.. Господи, за что меня снова в его руки отдаешь? Но... да будет воля Твоя! Кто я такая, чтобы ей противиться?»

Анна истово осенила себя крестным знамением, а Листвяна, ошибочно приняв это за знак окончания трапезы, приоткрыла дверь и повелительно мотнула головой, призывая в горницу еще двух девок. Та, что все время стояла слева и чуть позади Анны, снова подсунула боярыне лохань для омовения рук, а две вошедшие холопки споро прибрали со стола. Толком не поевшая Анна чуть было не принялась их останавливать, однако вовремя удержалась. Сидя все так же с прямой спиной, она молча наблюдала, как девки расправляют скатерть на весь стол (до того накрыт был только тот край, где трапезничала боярыня), выставляют на него кувшин, объемистую серебряную чарку (не Корнееву — другую) и блюдо с печеными заедками. Наливать из кувшина взялась сама Листвяна, от льющейся в чарку струи пахло вином.

«Ишь ты как! Ай да Листья! Ну прям, как для царицы...»

И словно напоминание о грехе гордыни всплыли вдруг в памяти слова сказки, рассказанной Мишаней отрокам:

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником медовым¹.

«Вот же, вспомнилось... а конец-то у сказки...»

Ключница, дождавшись, когда холопки выйдут, напомнила:

— Дарена ждет.

«Ах да!»

— Давно ждет?

— Да вот как ты за стол села, тут она и подошла. Велела было сразу же пропустить ее, но... ты же приказывала после обеда ей явиться. — Листвяна изобразила едва заметный намек на презрительную ухмылку. — Обождать пришлось.

— Зови.

Когда Анна по дороге в Ратное только обдумывала будущий разговор со Славомировой большухой, та представлялась ей очень и очень опасной для благополучия лисовиновской семьи. Настолько, что она просто диву давалась, как батюшка-свекр этого не понял? Ладно, Листя — его песня лебединая, но как он мог про эту-то не подумать?

«Ну да, мужам кажется, что никакой опасности от бабы исходить не может, ежели она с виду покорна и за лук или нож не хватается. Да ведь бабы-то не железом воюют, и сила наша в ином. А Дарену, коли уж ее родней признали, мы сами и усилили. Покориться-то она покорилась, но вынужденно».

Старше Анны по возрасту, большуха, хоть и бывшая, сильного дреговического рода, старшая сноха Татьяны — жены наследника Корнея, бабка или тетка всем отрокам первого десятка Младшей стражи, да и другим отрокам не совсем чужая, тетка Демьяну и Кузьме. Родовое право на ее стороне, и она, что немаловажно, в своем праве по-прежнему уверена. А потому и не смирилась по-настоящему. Встреться Лисовины и Славомировичи полюбовно, к примеру, на торгу в Князьем Погосте, Анне пришлось бы приветствовать Дарену первой, как равную по положению, но старшую годами.

¹ У А. С. Пушкина в цитируемой строфе из «Сказки о рыбаке и рыбке» написано: «пряником печатным», но в 12-м веке их еще не знали.

Замашки и привычки, да и гордыня у Дарены остались, а вот влияние она утратила, даже своих младших унять уже не может. История же с Демьяном, решившим поучить кнутом куньевских родственниц, и вовсе ей боком выйдет. Сделать вид, что ее это не касается, и не вмешиваться — самой в своем бессилии признаться. Не в ее норове это. Защищать младших — значит испортить отношения с Демкой. Да что там испортить — врагом его своим сделать! Одобрить поступок сына Татьяны и своих окоротить — обозлить куньевских молодых. Анна, хоть и гневалась на племянника за его выходку, а тогда сразу подумала о том, что лучшего случая окончательно Дарене ее место указать и быть не может.

Однако сейчас, когда Листвяна представилась ей в новом свете, суетливая возня женской части куньевской родни стала выглядеть такой... Нет, не мелкой или совсем уж безобидной, а скорее безнадежной и бесцельной. Суетятся тут — со страстями, с постоянным недовольством собственным положением, с совершенно дурацкими надеждами и мелкими бабьими дрызгами. Они могут натворить множество глупостей, а если от дурости втянут в свою грызню и мальчишек из Младшей стражи, то глупостей опасных. Но добиться чего-то путного, кроме неприятностей на свою же шею, уже не сумеют.

Мишаня как-то при Анне поучал своих ближников, что, затеяв любое дело, надо точно представлять себе цель, которой хочешь достигнуть. Она тогда это хорошо запомнила, а сейчас вспомнила и чуть было вслух не рассмеялась. Ну да — все правильно.

Не было, да и не могло быть у куньевских родственниц ясной и понятной цели — просто они никак не могли смириться с новой судьбой, вот недовольство свое так и выплескивали, от того и тщетны все их потуги. А вот Листвяна представляла себе цель совершенно ясно и шла к ней хоть и медленно, но упорно.

Получается, что Дарена вроде бы имеет много прав, но почти ничего не может, а Листвяна не имеет почти ничего, но способна на многое.

Дарена, подтверждая все размышления Анны на свой счет, вошла, не скрывая негодования от того, что ее застави-

ли ждать под дверью — явное унижение, при ее-то замашках! Миновала ключницу, словно пустое место — и ни «Здрава будь», ни «Звала?», не говоря уж о том, чтобы поименовать боярыней — с таким видом, будто собиралась влезть в драку, подступила к противоположному от Анны торцу стола, уперлась в столешницу сжатыми кулаками и заговорила тоном поучительно-ругательного вразумления бестолковой молодухи:

— Это так-то ты родство чтить да обычаи, от пращуров заповеданные, блюдешь? Холопкам велишь старшую родственницу у порога держать!

Мельком глянув мимо Дарены на Листвяну, которая, уже не скрывая насмешки, уставилась куда-то в поясицу Славомировой большухи, Анна подтянула блюдо с заедками к себе поближе, пригубила вино и принялась копаться в горке печеностей, вдумчиво выискивая что-то, известное одной ей. Нашла, откусила малый кусочек, прикрыла глаза, будто наслаждалась вкусом, прожевала, милостиво покивала Листвяне, опять подняла чарку.

— Ты что о себе возомнила?! — еще повысила голос Дарена. — Никто тебе не указ? На родство плюешь?!

Никак не реагируя на слова впадающей в ярость родственницы, боярыня погоняла во рту вино, словно внимая вкусу и аромату, слотнула и промакнула губы платочком так, как Мишаня учил делать это отроков, норовящих после еды или питья утереться рукавом.

Закипающая ярость Дарены ее вполне устраивала, именно этого она и добивалась — подтолкнуть бывшую большуху к скандалу, а коли руки распустить попробует, так совсем хорошо. Чем громче и безобразнее выйдет свара и чем более скандальной бабой Дарена себя выкажет сейчас, тем лучше. Так, чтобы потом с ясными, а самое главное, честными глазами заявить Корнею: «Ни слова не сказала, пальцем не тронула, а она... И вообще, все они, куньевские... Молодухи вон до чего Демку с Лавром довели, а эта и вовсе бешеная!»

Корнею долго разбираться не с руки, раскидает Татьянинных родственниц кого куда: на Выселки, на новые огороды, на дальние пасеки (благо пасек уже целых три штуки развели), а тех, кого в Ратном оставит, так прижучит, что тише холопок станут.

В том, что Дарена обязательно сорвется, Анна несколько не сомневалась: знала, как угнетает такая неопределенность и вынужденная покорность, особенно при несмиренной гордыне; представляла себе, каково большухе, привыкшей к беспрекословному подчинению всех женщин в немалом роду, сравняться в положении с ними — особенно с ними! — не имея ни силы, ни возможности их окоротить, ничего, кроме привычки своей — приказывать и их — подчиняться. Потому Дарена и цеплялась мертвой хваткой за старые, от предков завещанные обычаи, не понимая, что в Ратном многое из языческого наследия уже отринуто.

«А я ей в этом еще немного помогла. Свои-то бабы не осмеливались так явственно указать, что не большуха она более, а она сама себя пустыми надеждами не могла не тешить, особенно когда я в крепость переселилась. Татьяну-то она под себя мигом подмяла. Вот и получила урок, да какой! Ее топтание у меня под дверью все видели. А я сейчас еще добавлю».

Как было задумано, так и вышло — Дарена, заорав что-то уж и вовсе не потребное, обогнула дородными телесами угол стола и рванулась к обидчице. Драки Анна не боялась: силой скандалистке не уступала, а гибкостью и ловкостью превосходила, да еще и Лешка кой-чему обучил. С шутками-прибаутками, с хватанием за «тайные места», а все-таки вдолбил в нее нужные умения. Сейчас Анна совершенно точно знала, что будет делать: плеснуть вином в глаза (обязательно в глаза, Лешка это все время повторял), а потом доньшком той же чарки — в лоб! Анна во время Лешкиных уроков убедилась, насколько даже малый предмет, зажатый в руке, увеличивает силу удара, а чарка была увесистой и твердой.

Только зря готовилась, ничего не вышло. Первым ударом, еще больше распаляя себя, Дарена смахнула со стола блюдо с заедками, а потом... Провожая глазами отлетевший в сторону Даренин повой, Анна и не заметила, как Листья оказалась у той за спиной. А когда боярыня опять подняла взгляд, то обнаружила, что Дарена — немалых размеров бабища — стоит на коленях, а Листвяна, упершись ей коленом в спину и ухватив за волосы, заламывает ее голову назад. Умело, явно не впервые в жизни! Анна ничего подобного никогда не видала и даже не слышала о таком — руки у Даре-

ны оставались свободны, а сделать она ничего не могла, только не то кряхтела, не то хрипела придушенно. А слова-то какие при этом ключница говорила! Даже Корней... ну не то чтобы сильно удивился бы и, конечно, не засмушался, но кхекнул бы обязательно!

— ...!! На боярыню умыслила!!! Сука драная!!!

Анна встретила с Листвяной глазами, обе женщины лишь слегка шевельнули веками и поняли друг друга без слов: не холопка подняла руку на вольную женщину, а ключница защитила боярыню от взбесившейся бабищи! Теперь Листвяна подтвердит Корнею все, чего бы Анна ни сказала, а Дарене не то что веры не будет, вообще слова сказать не дадут — Корней есть Корней.

— Она меня слышит? — поинтересовалась Анна.

— Должна, — коротко ответила Листвяна, чуть ослабляя хватку, загибающую голову Дарены назад.

— Слышишь меня, дура старая?

— ... тебя, лахудра... — не сказала — выхаркнула Дарена.

— Не хочет слушать, — сожалеющим тоном оповестила ключницу Анна.

— Ничего, сейчас... захочет.

Листвяна, продолжая левой рукой удерживать свою жертву за косы, коротко размахнулась правой и ударила. Анну покорило — удар был донельзя подлым и болезненным: не по голове, не в спину, а раскрытой ладонью по груди. Дарена взвизгнула и задергалась, Листвяна снова придавила ее, не давая шевелиться.

— Боярыня говорить с тобой желает, дерьма лепеха! — Новый удар и вскрик. — Слушай или насмерть забью!

«И ведь не врет — забьет и не поморщится! Умеет пленника удержать и знает, как баб бить... Господи, не злобы ради, не из корысти, но родную кровь оберегая... Самой тошно, но пса... псицу на злодейку натравить не грех — необходимость!»

— Так слушаешь или нет? Еще поддать?

— Д-да... слушшш...

Листвяна убрала упирившееся в спину Дарены колено, та сразу же ссутулилась и обхватила руками грудь, но опустить голову ключница ей не позволила — держала за волосы.

— Значит, так, Дарья. — Анна выделила голосом христианское имя Дарены. — Это не я возомнила, а ты, дура из-под

елки, не понимаешь, что вокруг тебя творится и кто ты ныне есть. На родство, говоришь, плюю? А не твои ли муж и свекор кровь твоих же племянников пролили? Так, по-твоему, родовое вежество блюдут, свою кровь оберегают? Ты, гнида языческая, меня небрежением к обычаям попрекнула? Так по этим обычаям мы весь ваш гадюшник славомировский истребить право имели! Слышишь меня? Понимаешь?

— Д-да... — Дарена подала голос только после того, как Листвяна тряхнула ее за волосы.

— Тогда слушай дальше. Пока я про ваши языческие обычаи говорила, и по ним ты повинна смерти со всем своим выводком. Из милости нашей живешь. А вот по христианским законам на всем вашем роду лежит каинова печать, потому как братскую кровь пролили. На всем роду! Ибо сказано: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого колена...» Ты себя старшей в Славомировом роду мнишь, значит, на тебе первой и грех каинов, а уж затем на всех остальных, до внуков и правнуков.

Анна коротко глянула на Листвяну. Та слушала, очень внимательно слушала.

«Чего это она? Ее же Десять заповедей еще перед крещением вызубрить заставили. Должна помнить... А-а, вот оно что! Одно дело — выучить и повторить, и совсем другое — применить Писание к обыденной жизни. Вот она и слушает, и не скрывает, что учится у меня».

— Что ты там еще гавкала-то? — Анна сделала вид, что задумалась, припоминая слова Дарены. — Ах да! Про старшую родственницу! И в чем же твое старшинство? По годам-то ты, и верно, старуха уже. Вон расплылась как корова, да и морда отвратна. Ну да такой старой ветоши в любом селении... — Анна пренебрежительно махнула ладонью. — А в чем еще? Большухой-то ты при муже да свекре была, а как их не стало, да гнездо ваше осиное дымом пустили... Кто ты теперь? Никто! А я — большуха самого сильного и уважаемого рода в Ратном, а значит, и во всем Погорынье! Ты с кем себя равняешь?

Если до сих пор Анна цедила слова вальяжно-пренебрежительно, свысока, то сейчас в ее речи сам собой появился напор, голос зазвенел, слова стали четкими, как воинские

команды, тело напряглось, а глаза прищурились, будто она прицеливалась.

— Но это по вашему, языческому счету. А у нас я — боярыня, и останусь ею навсегда, что бы ни случилось! И даже Елька моя — боярышня Евлампия Фроловна, и выше простых баб, какого бы возраста они ни были. Сие не только людским хотением, но и волей Божьей утверждено, и не людям смертным то изменять! — Анна неспешно, размашисто перекрестилась; Листвяна, чуть промешкав, свободной правой рукой повторила движения боярыни и снова застыла, внимая каждому произнесенному Анной слову.

— **МОЙ БОГ СИЛЬНЕЕ!** Все мы в руке Его, и все творится по воле Его, хоть ты наизнанку вывернись перед своими идолами! И цену крещению твоему Он тоже знает! **ОН НА МОЕЙ СТОРОНЕ**, так что даже и в мыслях не держи что-то изменить, Он не даст! Уже не дал — Славомирова рода больше нет. Ты еще, попущением Божьим, жива, живы дети и племянники-внуки твои, но уже сейчас они себя Славомировичами не величают. Лисовины они, и все тут! Усомнится кто — на месте убьют! Нет Славомировичей, кончились! А у меня два сына — бояричи, два племянника — тоже бояричи, и в отличие от тебя, старухи, — Анна не удержалась и окинула Дарену взглядом, равносильным плевку, — я еще родить могу! У меня еще все впереди, а у тебя **ВСЕ В ПРОШЛОМ! БЕЗВОЗВРАТНО!** Иная сказала бы тебе: «Забудь о былом», — а я говорю: «Помни, чего лишилась!» Помни и вой на луну, сука облезлая!

Анна говорила, втаптывала Дарену в грязь, в сущности убивая противницу. По-женски, пальцем не тронув, но убивая. Поражалась собственной жесточенности и беспощадности и одновременно удивлялась: с чего вообразила эту бабу опасной? Никто она и ничто, и неизвестно, сумеет ли даже своими ногами из горницы выйти после того, что с ней здесь сделали.

А еще прямо-таки кожей чувствовала, как жадно впитывает и запоминает ее слова, движения, взгляды Листвяна. Вот так поучиться быть христианской боярыней — редкая удача, такие уроки раз в жизни случаются! Жадность до **ТАКИХ** знаний Анну покорила, и в какой-то миг она даже представила: не ключница стоит, удерживая свою жертву за

волосы, а кто-то из ее стрелков-молодух, сама Листвяна сидит на месте Анны и говорит что-то, подобное только что сказанному боярыней, а жертва, стоящая на коленях... уж не сама ли Анна?

«Нет! Не посмеет! Не сможет! Не позволим! Мишаня, Демьян, Кузьма, крестники, сотня Младшей стражи... Лавр за меня даже против Таньки пойдет, а уж против Листвяны-то... А еще Лешка — Рудный воевода. Зверь лютый, но МОЙ зверь! Верка, Ульяна, Арина... Настена тоже на моей стороне будет! И наставники Академии... да даже и сомневаться нечего — за меня! Даже Сучок со своими плотниками... обласкать надо, приблизить, моими будут, никуда не денутся. И ВСЕ БАБЫ Ратного, кому девок замуж пристраивать... не выйдут из моей воли, не дам! А коли бабы, то и мужья их. И... прости, Господи, меня грешную, Аристарх!»

И против всего этого Листвяна? Даже если и с Корнеем... Да и то неизвестно... И для Корнея предел есть!»

И такую вдруг она ощутила в себе силу! Не потому, что ослабела Дарена, не потому, что Листвяна рвалась исполнять приказы и учиться у боярыни, а потому, что осильнела внутренне. Вроде бы и знала все это раньше, а до сих пор ни разу не приходило в голову вот так перечислить всех тех, на кого при необходимости можно опереться, кого и как привлечь на свою сторону, а на кого и просто влиять — никогда в этом не было нужды. Сейчас же, все припомнив и приложив это к возможному противостоянию с Листвяной, вдруг поняла: и эта не опасна! Ну разве что хитростью какой-нибудь, тайным злодейством, да и то по-настоящему, явно, воспользоваться плодами этого злодейства у Листвяны не получится! Не дадут, не позволят все те, кого Анна сейчас в уме перебирала.

Анна, вдова Фрола, невестка Корнея, вдруг поняла: она не просто большуха рода Лисовинов, а боярыня, способная заставить исполнять свою волю множество людей, которые, в свою очередь, тоже способны очень и очень на многое! В ее воле направить желания, усилия и умения десятков, даже сотен — не холопов, не закупов, не нанятых работников, а вольных и сильных — на нужное ей дело! Вот она, власть!

С ощущением этой новой силы, этого нового для нее

знания Анна с каким-то вызовом, даже с угрозой глянула на ключницу и... удар ушел в пустоту! Листвяна, Анна готова была в этом поклясться, тоже поняла что-то, примерно такое же, что и боярыня. Слушала-то Анну не только Дарена, но и «последняя женщина Корнея»! Слушала, запоминала, осмысливала! И поняла: против того, что стояло за боярыней Анной Павловной, у нее нет и не может быть ничего.

И снова Анна глянула, Листвяна взгляд приняла. Не играли они в гляделки — кто кого пересилит; одна поняла, что давить незачем, другая не сопротивлялась — тоже незачем. Без слов договорились, что сейчас они действуют заодно. Потом Листвяна перевела взгляд на Дарену, совершенно оплывшую на полу — та не заваливалась набок только потому, что ее удерживала ключница, — и приподняла брови в немом вопросе. Анна, так же молча, указала глазами на дверь.

Листвяна потянула голову Дарены вбок, одновременно выворачивая ей шею и вынуждая встать на четвереньки, и потащила бывшую большуху к выходу. И снова Анна обратила внимание на то, как сноровисто, даже привычно это получилось у ключницы — явно в прошлом проделывала такое не единожды. Выпихнув свою жертву в сени, та буркнула кому-то: «Уводите ее», — и, захлопнув дверь, снова вопросительно глянула на боярыню.

Анна, все так же не произнося ни слова, чуть дернула подбородком, указывая на место за столом. Молча, потому что очень не хотелось разрушать голосом их бессловесный сговор. Даже и не сговор, а... Боярыня прекрасно понимала, как выглядела со стороны во время расправы над Дареной — сторонний человек, скорее всего, не смог бы найти приличных, неругательных, слов для описания того, в каком виде предстала перед ним Корнеева невестка. У кого-нибудь из мужей наверняка и кулаки бы зачесались на эдакую... лучше уж и не подбирать слов.

А вот Листвяна, похоже, увидела и признала в Анне более сильную, изошренную и умелую хищницу, чем сама она. Признала и... не то чтобы покорилась, но согласилась, что поперек боярыне лучше не становиться — целее будешь. На это указывало все ее поведение, да хотя бы и то, что, выпихнув Дарену в сени, Листвяна не поддала ей напоследок

ногой под зад (от чего сама Анна, наверное, не удержалась бы) — просто выполнила приказ, и ничего от себя; Дарена — добыча Анны в охотничьих угодьях Анны, ключница и на малую долю не позарилась.

Конечно же Анна прекрасно понимала, что все это верно только сейчас и на какое-то ближайшее время, скажем, до того, как ключница родит Корнею ребенка, а потом... потом лисовиновская усадьба, если не все Ратное, может стать «охотничьими угодьями» Листвяны. Это мужи, однажды признав над собой первенство, к примеру, Корнея, будут подчиняться ему до тех пор, пока не увидят, что командовать он более не в силах. У женщин не так — нет для них почти ничего «раз и навсегда», только семья, дети, дом, может быть, что-то еще — для каждой свое, а все остальное... Вот прямо сейчас Листвяна честна в своем безмолвном обещании не идти против Анны, но пройдет время, и ее обещание потеряет силу, и это не будет обманом в женском понимании. В *женском мире* у каждого времени и обстоятельства своя правда. Мужички почитают это бабьей лживостью, неверностью, ветреностью, а на самом деле женщина честна и правдива каждый раз! Просто жизнь повернулась немного другой стороной, а женская стезя — приноровиться, приспособиться, соответствовать, оттого и правда женская становится несколько иной... порой прямо противоположной. Женщины это понимают и принимают как само собой разумеющееся, а мужички... да лучше им об этом и не знать, а если знают, то не стоит об этом задумываться.

Все это Анна прекрасно понимала, да и сама была такой, ибо женщина суть, поэтому и не сомневалась: СЕЙЧАС Листвяне можно верить, а потом... потом и решать станем.

Пока ключница устраивалась на указанном месте, боярыня принялась переставлять на столе немногочисленную посуду. Великую и хитрую науку столового убранства, коим можно обозначить одинаково и уважение к соседу по столу, и пренебрежение, и разницу в достоинстве сотрапезников, и еще многое другое, преподала Анне еще матушка. Купчиха не из последних, она умела загодя задать тон еще не начавшейся застольной беседе своего мужа с кем-нибудь из приглашенных для разговора гостей.

Если бы Анне зачем-то понадобилось уравнивать Листвяну с собой, она велела бы девкам-холопкам поставить вторую чарку. Если бы ей потребовалось сохранить такое же расстояние между собеседницами, как и при разговоре с только что словесно измордованной Дареной, — оставила бы все как есть (кувшин, чарка, блюдо с заедками — только для самой Анны). Сейчас же боярыня Анна Павловна просто отодвинула чарку и блюдо в сторону, оставив между собой и Листвяной пустую скатерть. Получилось, что вышестоящая склонилась к уху нижестоящей для доверительного разговора — приблизила, но не уравнила.

Что вслух, что мысленно Анна, так же как и Корней, предпочитала называть ключницу ее языческим именем: больно уж заковыристо окрестил ее отец Михаил — Асклепиодота. Корней так и вообще только на один раз хватило: «Скле... Пиз... ох, мать твою! Листя!!! Да что ж такое-то, нарочно, что ли, попы нам с именами гадят?!» Ответа на этот вопрос Корней, конечно, не ждал, а вот Анне несколько позже на него ответил Мишаня: «Отец Михаил это из добрых побуждений творит: уверен, что славян надо понемногу приучать — пусть вставляют в свой говор слова из образованной речи. Ну а начинать надо с малого, с имен. Будет и потом такое — к германским словам нас приучать станут, к франкским, а потом и к саксонским». Мишка покривился, будто съел чего-то совсем уж кислого, и язвительно добавил: «Так вот и будем... цивилизоваться». Половины сказанного Анна тогда не поняла, а Мишаня вместо объяснения лишь махнул рукой — дескать, не бери в голову, матушка.

Разговор с ключницей Анна начала, по всему виду, совсем не с того, чего ожидала Листвяна:

— Как «дружина» твоя, с самострелами-то упражняются?

Листвяна явно удивилась, но ответила с готовностью и обстоятельно:

— Каждый день не получается — страда все-таки, но через два дня на третий стараюсь обязательно. Да и в поле с собой велю самострелы брать. Если там гуся, или цаплю под-

стрелят, или еще какой приварок к трапезе, ну там, зайца — хвалю, другим в пример ставлю.

— Ну а новых дружинниц себе не подбираешь?

— Так не из кого, Анна Павловна, не всякой же оружие в руки дашь. В любом случае без твоего одобрения никого к дружине не прибавлю.

— Это ты правильно. — Анна одобрительно покивала. — А вот скажи-ка мне, среди тех, кого Демьян кнутом попотчевал, дружинниц твоих не было?

— Была одна.

— К самострелу не допускать, из дружины выгнать. — Анна прихлопнула по столу ладонью. — Нам еще болта в спину от обозленной молодухи не хватало!

— Так уже, Анна Павловна. — Листвяна слегка пожала плечами. — Меня с огнем играть еще в детстве отучили.

— Ладно, с этим, я вижу, у тебя порядок. Да и Корней, наверно, приглядывает?

— Да нет, — позволила себе намек на усмешку ключница. — Для него это так, баловство. Правда, упредил, что, если кто из них, не дай бог, болт куда-нибудь не туда засадит, он с меня спросит. Ну так это и с самого начала понятно было.

— Ладно... ну а как себя во главе полутора десятков стрелков мыслишь?

— Ты о том, что холопка вольными женщинами командует? — уточнила Листвяна и, не дожидаясь ответа, пояснила: — Ты же знаешь, что ни на кого из нас обельные грамоты еще не выправлены, ждет чего-то Корней. Для людей-то мы, конечно, холопы, но по слову воеводы все в любой миг еще перемениться может. Да и среди стрелков моих не все вольные, мы же по способности к стрельбе подбирали, а не по достоинству вольному или подневольному.

Анна спрашивала совсем о другом, но слова Листвяны о том, что Корней чего-то ждет, ее заинтересовали.

— И чего же, по-твоему, батюшка дожидается?

— Так известно чего! Отроки-то... в Младшей страже тоже не все вольные. Ну кого-то убьют, кто-то чем-то отличиться сумеет, кто-то добычу возьмет такую, что на выкуп хватит... Не угадаешь сейчас, позже увидят, кто на что спо-

собен. Так и в бабьем десятке: тех, кто в усмирении бунта участвовал... холопить уже как-то и не с руки...

— Или ту, кто воеводе ребенка родит! — Анна даже и думать себе запретила о том, что Листвяна может стать вольной раньше — по смерти Первака.

— И это тоже, — ничуть не смутившись, согласилась Листвяна, — все по обычаю. А дожидается Корней... Ты верно сказала: кончились Славомировичи, а за то, чтобы Лисовинами зваться, такая толкотня начнется — все ноги друг дружке пооттопчут! Пока еще незаметно, но ребятки-то подрастут, додумаются. То же и остальные куньевцы... Если не в родню, то хоть каким-то боком притулиться к Лисовинам. Только это ведь еще заслужить надо! В бабьем десятке себя показать — запросто. А еще у тебя, Анна Павловна, под рукой сотня женихов. Полонянкам замуж тоже охота, да не за кого попало, но с ратнинскими девами им соперничать... сама понимаешь. Только на тебя и благоволение твое надежда.

Вот я и думаю: ждет Корней, когда явственно станет, кто ему нужен и полезен, кому доверять можно, а кто... всего лишь добыча воинская. Как выберет, так дело и до обельных грамот дойдет, и прочего. Михайле надежных и полезных оставлять надобно, проверенных и испытанных.

— Михайле? — Анна вся подобралась и насторожилась. — Сама догадалась или Корней обмолвился?

— И догадалась и... Я же к колодцу не только за водой хожу, да и в других местах... и девки-молодухи тоже... Все Ратное уверено, что, проживи Корней еще лет десять, наследовать ему будет Михайла, и никто иной. Одни согласны и одобряют, другие — ни так, ни сяк, а кто-то и злобится, но в том, что так будет, сомнений нет. А против такой силы не попрешь, будь ты... да хоть кто!

«Вот, значит, как! Все уже за нас решено. А из крепости-то и не видно... Да и тут, в Ратном, давненько ты, матушка, с ведрами не хаживала, давненько. А зря! Или уж вы знавай, о чем там судачат, у тех, кто у колодца каждый день отирается. Листья-то догадалась!»

Десять лет, значит... Дай бог батюшке Корнею здоровья и долгих лет, конечно, но... У Мишани уже свои дети родятся — зрелый муж! — а твой... кого ты там родишь, еще дитя... Гос-

поди, дитя!!! Это же у любой матери всегда и неизменно — наиважнейшее! О себе забудешь, но дети... Вот ты мне и попалась, голубушка!

Значит, идти против всех ты не сможешь. Правильно понимаешь, бабонька. Против моих сыновей, племянников и крестников... тоже, будем надеяться, понимаешь. А детей тебе надо вырастить в сильном роду, вольными и, даже если и не в достоинстве бояричей, то байстрюками Лисовина¹. Гадить в гнезде, где тебе птенцов высиживать, ты и сама остережешься, и никому другому не позволишь, а вздумают твои детки в нашем семейном гнезде кукушатами стать — миг удавят.

Будешь верна, никуда не денешься! Выбор ты уже сама сделала. Первака не станет, а остальных... И не таких сотня обламывала!»

От этих мыслей Анну окатила еще одна волна уверенности и внутренней силы, и она глянула на собеседницу глазами только что родившейся боярыни, понявшей, что знания и умения ЕЕ ЛЮДЕЙ — это ее собственные знания и умения, ибо поступать эти люди будут по ее воле. И недавно посетившее ее видение того, как кто-то из Листвяниных молодух-стрелков стоит, удерживая свою жертву за волосы, а сама Листвяна на месте Анны истязает жертву словами, вдруг оказалось не таким уж страшным. Просто потому, что теперь, с новыми знаниями, сама Анна в жертвы уже никогда не попадет. Наоборот, Листвяне придется выбирать жертву либо по прямому приказу Анны, либо сообразуясь с ее мнением!

«Господи, ну и дура ты, матушка-боярыня! Сама же дочек учила: «Ничего не делать своими руками, все через холопок, но без ругани и рукоприкладства», — чтобы научились повелевать. А к себе это приложить не догадалась? И чего мучилась, каково это — быть боярыней? Да вот так! Прямо перед носом все лежало, а не увидела, пока не перепугалась. То-

¹ Во времена Средневековья на внебрачных детей накладывались весьма строгие юридические ограничения, особенно в сфере наследственного права, но тем не менее кровное родство с владельческими особами было общепризнанным поводом для гордости и немалых амбиций. Статус бастарда не являлся чем-то постыдным, но, наоборот, выделял его носителя из общей массы.

лько потом и поняла, что бояться нечего. Ну... почти нечего, вернее, есть способ справиться¹».

— Ну что ж, вижу, понимаешь ты все правильно и поступаешь... тоже правильно.

Анна усмехнулась внезапно пришедшей в голову мысли, а Листвяна, не поняв смысла усмешки, насторожилась. А все просто: Анна поймала себя на том, что заговорила с ключницей так, как Корней разговаривал с Лукой Говоруном. Оба — зрелые, много повидавшие мужи, главы больших и сильных родов, оба во многом понимают друг друга без слов, но один над другим начальствует. Не потому, что первый сумел возвыситься, а второй вынужден подчиниться, а потому, что Лука ПРИЗНАЛ Корнея вышестоящим и тем самым, наряду с подчинением, приобрел право на особые, более близкие отношения с Корнеем.

— Да, правильно! Хвалю. Теперь попробуем и дальше так же. — Анна не стала выделять голосом слово «попробуем». И так было понятно: мы обе отныне будем вести себя друг с другом иначе, а что из этого выйдет — увидим. — И для начала снова спрошу: как себя во главе молодух-стрелков мыслишь?

— А как мыслить-то? Не десятницей же? Баб-десятниц не бывает. Все мы в воле Корнея, как он велит, так и будет.

Нет, Листвяна вовсе не притворялась дурочкой и смысл повторного вопроса прекрасно поняла, но намеренно отдавала первенство Анне — пусть сама опишет то, как это должно выглядеть, а потом и обсудить можно.

— А воеводой?

— Воеводихой? — враз насторожившись, переспросила Листвяна.

— Я сказала: **ВОЕВОДОЙ**. Воеводой бабьей дружины... **МОЕЙ** боярской дружины.

— Как это? А Корней... знает? — Листвяна не просто удивилась, а даже растерялась. — А зачем?

— Корней все знает... что считает нужным знать, а что считает ненужным, все равно знает, только виду не показы-

¹ В таком прозрении Анны нет ничего удивительного или мистического. Специалистам известно, что освоение нового оборудования персоналом быстрее всего происходит в экстремальных условиях. Боярское же «оборудование» — это прежде всего люди.

вает. — Анна и сама затруднилась бы объяснить смысл произнесенной фразы, но получилось туманно, а потому многозначительно и даже слегка угрожающе. — А зачем? Детей наших кто защищать станет? Каждодневно и ежечасно, и не только оружием. Чужую обмолвку вовремя услышать и правильно понять, приглядеть незаметно за нужным... и ненужным человеком... Да и болт, с неожиданной стороны пущенный, тоже дело великое. Тем, что именно с НЕОЖИДАННОЙ стороны. Ты разве не хочешь, чтобы твоих детей так оберегали?

— НАШИХ детей?

— Я сказала, ты услышала! Чай, не глухая и не дура!

— Да... боярыня.

— Ну то-то же! Да, вот еще что. Я девиц, что у меня в крепости обучаются, не за простецов выдавать собираюсь, а за бояричей, сыновей княжьих дружинников, ну или в богатые купеческие семьи. У них у всех на подворьях обязательно какие-то девки да молодухи обретаются: родственницы из бедных, приживалки какие-нибудь, дочки-племянницы... Ну ты меня поняла.

Листвяна согласно кивнула.

— Ежели молодые жены наши сумеют из них подобрать двух-трех, много четырех... больше не выйдет, да и не надо... подобрать, значит, да обучить так, как ты своих... Понимаешь? Мало того что хозяйки — у них, кроме всего прочего, еще и настоящая сила в руках окажется! Злодей какой к ним на подворье сунется или еще кто... ну мало ли, что в жизни стряется, такому гостю незваному небо с овчинку покажется, а подворье смертельной ловушкой станет, даже если и мужей дома не случится.

— А ежели все твои молодые жены вместе соберутся, так это же полусотня стрелков! — вдруг оживившись, вставила Листвяна. — Вроде бы и нет этой полусотни, никто о ней не знает и даже помыслить не может, а она есть! И коли понадобится...

Ключница осеклась, а Анна про себя усмехнулась:

«Ну вот ты и в другой раз попалась, голубушка! О полусотне этой как о ватаге татей заговорила! Нутро твоё, жизнь твоё прошлая никуда не делись, вон они, как шило из мешка вылезли! Вот и понятно теперь, где и с кем ты жила и для чего

тебе твои умения надобны. Ну зачем простой бабе знать, как беспомощного полоняника удерживать, да чтоб унизительно получилось? Или латника стрелой в глаз бить, мужей в безумной горячке охлаживать, как тогда Мишаню и Лавра... Уколдца все языками чешут, да не все из этой трепотни нужные слова выуживают, а ты умеешь. И это, и много чего еще... на-верное.

Баба бабу не обманет, это мужей мы, как слепцов, а друг друга... На разбойном хуторе ты жила, да не полонянкой, не холопкой; знаешь, как себя поставить, даже рядом с отчаянными мужами не теряешься. И под мою руку ты идешь, как под руку главаря разбойной ватаги. Тебе же тайную силу подавай, другим невидимую! Ну и ладно, будет у тебя эта сила, но... для меня. И тебя к делу приставлю».

— Верно мыслишь. Но до этого пока еще далеко, сначала надо моих дев выучить, чтоб стрелками командовать умели, — затылок чесать боярыне невместно, хорошо, руку поднять не успела. Положила ладони на стол, постукала в задумчивости кончиками пальцев. — Придется как-то придумывать, для чего они мне в крепости понадобились.

— А зачем их в крепость везти? — удивилась Листвяна. — Здесь же рядом учебная усадьба есть. Трех-четырёх молодух я туда хоть сейчас отправить могу, никто и не заметит... или скажу, что на дальние огороды послала. И пусть твои девы ими по очереди командуют. Еще и лучше — не на глазах, никаких разговоров лишних, никаких вопросов. Из крепости они могут в учебную усадьбу и мимо Ратного пройти.

«Так тебя и тянет что-то в тайности творить! Вот ведь...»

— Тоже верно, — Анна благосклонно кивнула, — и мои поучатся, и твоих поднатаскаем... А ты сама-то в учебной усадьбе была?

— Заглянула, не удержалась. — Листвяна, заметно для Анны, сдержала улыбку, словно вспомнила что-то смешное. — Корней-то, как с Михайловыми опричниками там поигрался, помятый пришел. Все жалился, что отроки такие шустрые попались, такие озорники... чуть вторую ногу ему не оторвали. Он, пока от них отбивался, вроде бы Андрею на нос наступил... как уж это у него вышло, я и ума не

приложу, но нос у Андрюхи и правда после тех игрищ вспух. Вот я и сходила, глянула.

— И что?

— Да почти что наша усадьба, только не из бревен, а из... ну из плетней, только толстых. Прочно все, на настоящее похоже. По теплomu времени так даже и жить можно. Вот там и поучить дев, как стрелков расставить, как укрываться, как стрельбой командовать... и всякое такое. Им же в поле не ратиться, в жилом месте воевать. Как по мне, так учебная усадьба — самое то, что нужно!

— Ладно, посмотрим... схожу с тобой туда как-нибудь.

— Так можно прямо сейчас, недалеко же. Велю телегу запрячь...

— Нет, потом. Сейчас об ином говорить хочу. — Анна поколебалась, подумала, машинально разглаживая ладонью скатерть и переставляя туда-сюда чарку, потом продолжила: — Ты со своими молодухами-стрелками — сила. Тем более опасная, что никто вас всерьез не принимает. Ну... почти никто. У воинов же обычай тверд: любая сила либо должна беспрекословно подчиняться начальному человеку, либо ее уничтожат. Мы же с тобой замыслили силу копить втайне... и если это откроется — добром не кончится. Пони-маешь, о чем говорю.

— Само собой. Но ведь Корней же...

— Ты мне тут узлы не запутывай! — Анна пристукнула костяшками пальцев по столешнице. — Забыла, с кем говоришь? Сотник, конечно, все знает, но он сейчас в походе, значит, без Аристарха никак не обойтись. Не поняла разве, куда попала? У нас здесь поселение воинское, так что старые привычки забудь — не допустят тут этого!

«Ну нет, ты у Корнея уязвимое место, дыра в доспехе. Он над тобой по-настоящему начальным человеком быть не сможет. А Аристарх не позволит, чтоб такая сила оставалась без надежного пригляда. Лучше уж я эту силу под его руку сама приведу, чем он Листю потом за горло возьмет. А ведь возьмет всенепрременно! Он-то не хуже меня понимает, что тут на сотника надежи мало».

Анна в очередной раз поймала себя на том, что почти копирует тон и поведение Корнея, только что деревянной ногой по полу не заскребла. Поймала и... ничего не стала ме-

нять, наоборот, подобно батюшке-свекру, уперлась ладонью в колено, отставила в сторону локоть, подалась телом вперед и, набычившись, уставилась на собеседницу.

«Вот еще сейчас как скажу: «Кхе! Едрена-матрена!» — и хоть стой, хоть падай! Только эта ведь не упадет... Но я все равно сильнее!»

Анна и сама удивилась, откуда вдруг взялась в ней эта озорная веселость, ну будто Мишаня в щелочку подсмотрел и хихикнул. Удивилась и сразу же поняла — от ощущения этой самой силы! Нет, Листвяна не ослабла, но она не понимала намерений боярыни: чувствовала, что Анна знает, что делать и как делать, осознавала свое неведение и... и в этом ее слабость! Опять так же, как и с Дареной: у Анны есть дело, есть цель, а у Дарены и Листвяны — только забота о своем благополучии или, еще хуже, потакание своим страстям и желаниям. Анна же свои страсти и желания смогла обуздать, подчинить их общему делу. Ну не ради же собственного удовольствия она сейчас старалась, из кожи вон выпрыгивала, Дарену ломала и Листвяну подчиняла! Нет, конечно — и себя возвеличивала, и других подавляла она только для того, чтобы еще выше поднять род, чтобы ни у кого даже мысли не закрадывались Лисовинов на прочность попробовать. В этом заключалась ее сила. Много силы, даже на язвительное веселье оставалось.

Листвяна что-то такое почувствовала и, наконец отведя взгляд, прервала затянувшееся молчание:

— Может, и так, тебе виднее. От меня-то ты чего хочешь?

— Когда ты у нас появилась, Аристарх с тобой разговаривал?

— Был разговор... — Ключница поежилась, видимо, воспоминания о том разговоре остались у нее не самые приятные. — Только не сразу, а когда... — Неопределенный жест Листвяны, видимо, означал: «Когда узнал, что я Корнеем...»

— И что?

— Страшен... может быть, когда захочет.

— А еще?

— Да что ж тебе надо-то от меня? — вроде бы возмутилась Листвяна.

«Вроде бы» потому, что на самом деле в ее словах звучало не возмущение, а страх. Боярыня подталкивала ее... к че-

му-то не столько опасному, сколько безвозвратному, к невозможности сделать шаг назад... К плате за теплое место возле Корнея, к доверию боярыни — не потому, что ключница заслужила его, а потому, что обмануть невозможно — слишком страшна кара за обман.

— Найдешь случай переговорить с Аристархом! — твердым, не допускающим возражений и сомнений голосом заговорила Анна. — Расскажешь ему о бабьей дружине и скажешь, что надзирать за ней я прошу его, понеже дело это хоть и воинское, но сотни все-таки не касается, значит, ему как старосте и надлежит на себя заботу о нас, грешных, принять...

— Запретит...

— Сделаешь, как сказано! Мне лучше знать! Расскажешь в подробностях все, что мы с тобой сейчас об этом говорили и... все остальное, что он знать захочет. И не тyani, я ведь узнаю, когда ты к нему ходила.

— А что ж сама-то...

— Учить меня будешь?! — Анна сначала прикрикнула, а потом поняла: это уже лишнее — есть предел, после которого Листвяна и взбрыкнуть может. Себе повредит, но характер покажет, помыкать собой не даст. — Да не злись ты. — Боярыня, насколько смогла, смягчила голос и ободряюще дернула головой. — Против воинского обычая у нас не пойдешь. Если подчинение, то полное, а нет подчинения, нет и тебя. Но зато получишь все, что желаешь: спокойную жизнь с Корнеем... Что сама устроишь, то и получишь, никто мешать не станет, воеводство в тайной дружине... ведь хочешь же этого, я вижу. И все дети твои в надежном гнезде вырастут, в лисовиновском... Но и спрос с тебя — никуда не денешься — под стать тому, сколько тебе дано.

Две женщины, очень непростые, много повидавшие и пережившие — боярыня и ключница — сидели в горнице и говорили, казалось бы, о своем. А на самом деле... Если бы кто-то рассказал им, ЧТО на самом деле они творят, не только не поверили бы, а даже и не поняли, о чем речь.

Здесь и сейчас в Погорынье умирало родо-племенное общество и рождалось сословное — феодализм. Анна при-

жила в Ратном, приняла (а куда ей было деться?) нормы и правила военной демократии, пришедшие из времен Рюрика, Игоря, Святослава и сохранные Ратнинской сотней. Листьяна не знала ничего, кроме волчьих законов разбойничьего братства и древних родовых обычаев.

Сейчас они вместе растоптали и унизили Дарену, не понимая, что этим не просто приводят в покорность возгордившуюся бабу, а рушат древний обычай во имя обычая нового: титулованный младенец выше нетитулованного умудренного старца!

Кровь и род раньше только связывали людей в некую общность, но теперь еще и возвышают одних людей над другими. Власть, которую прежде давали сила и признание ближников, становится наследственной. Все реже и реже дружина задает владельцам вопрос: «Кто ты без нас?», все меньше и меньше остается в нем угрозы, а когда спрашивать будет уже некому, прозвучит: «Аз есмь царь!»

Корней принял титул воеводы, по сути равный титулу графа, и ратнинские воины, конечно, могли свергнуть его силой, но не переизбрать. Преемника же Корнея определяют не голоса воинского схода, а правила наследования. Воспротивиться, опять же силой, ратнинские воины могли, а назначить преемника — нет. То есть право ратников отныне превращалось в преступление — в бунт.

Мишка, лишенный звания старшины Младшей стражи, все равно продолжит командовать, но уже как боярич, и его верховенство над отроками от этого только упрочится, потому что из бояричей разжаловать нельзя.

Анна в чисто женских разборках, тихих и незаметных для мужчин, переступила через сложные и запутанные родственно-возрастные счета и стала превращаться из хозяйки лисовиновского подворья в хозяйку не только Ратного, но и, со временем, всего Погорынья. Заставила для начала только ближнее женское окружение если не принять свершившееся, то хотя бы смириться с ним.

Мужчины могут присваивать любые титулы, рушить старые обычаи и утверждать новые. Однако родо-племенное общество по-настоящему станет феодальным только тогда, когда его нормы и правила примут и начнут внедрять в жизнь женщины. Каждодневно и ежечасно, в незаметных

со стороны мелочах обыденной жизни, но постоянно и неотступно. А еще они будут растить и воспитывать детей, и для следующего поколения сословные отношения станут не чем-то новым, а само собой разумеющимся, тем, про что говорят: «Иначе и быть не может».

Тысячи и тысячи «корнеев» по всей Европе, с яростным ревом и железным лязгом, огнем и мечом, умом и волей утверждали новые отношения между людьми, а в это же время тысячи и тысячи их жен, сестер и дочерей тихо и незаметно делали эти изменения необратимыми. История запомнит груды трупов и обугленные развалины, хронисты их опишут, и найдутся те, кто назовет это великими деяниями. Тихие женские разговоры и не такие впечатляющие, но ежедневные женские труды не запомнит никто, но решат они все.

Корней, сделавшийся из сотника воеводой, утвердил норму единоначалия, которая позже и на самых разных уровнях управления превратится в абсолютизм. Да, он был не первым и не единственным, но он попал в «генеральную линию», которая, принимая самые разные, порой причудливые формы, сохранится до наших дней.

Анна, тоже не первая и не единственная, растоптала Дарену, подчинила себе Листвяну и установила таким образом свое верховенство в женском мире Ратного и округи. В том самом Женском мире, который не только обустроивает по своим правилам и понятиям обыденную жизнь, но возвращает в своем лоне мужей, выпуская их, когда приходит время, в мир общий, но с убеждениями и взглядами, заложенными в них Женским миром.

Вот так и получилось, что приехала в Ратное Анна-большуха, а из разговора с Дареной и Листвяной вышла боярыня Анна Павловна Лисовинова. Ехала — переживала, прикидывала, какие удары от этих баб ждать, а оказалось, не о том думала. Не опасности, а то, к какому делу их приставить да какую пользу от них получить, — вот что отныне должно занимать боярыню. Разумеется, только после того, как она показала каждой ее место.

По природе своей Анна не была жестокой, но оказалась вынуждена действовать безжалостно. Расправляясь с Даре-

ной, она не тешила своего тщеславия и не получала от этого удовольствия. Просто твердой рукой творила необходимое, защищая род и утверждая свое право повелевать. Такое уж время стояло, и такой век: не сумел показать силу, проявил слабость или жалость — сомнут тебя самого.

Смерть — дело обыденное, она всегда рядом, а потому к жизни чужих, не принадлежащих к семье, роду или иному сообществу «своих», люди той поры относились, мягко говоря, намного проще, чем в более спокойные времена. Чего уж тогда говорить об отношении к чувствам, переживаниям или достоинству тех, от кого исходила опасность, реальная или мнимая?

Однако дело не только во «временах и нравах»: боярыня вынужденно прибегла к жестокости в силу того, что иного пути не знала! Она только училась управлять, порой не понимая, чему именно надо учиться. Училась на ощупь, набивая шишки и себе и окружающим, то есть управленцем пока что была слабым. Слабые же, стремясь подняться наверх, хочешь не хочешь, становятся жестокими. Кто-то находит в этом удовольствие — если стремится наверх только для удовлетворения собственных амбиций и страстей. Те, кого ведет дело, используют жестокость как один из немногих пока что доступных им способов управления людьми. Придет время, и они научатся обходиться без нее... ну или почти без нее. Но пока делают, что могут...

Анна, конечно, не знала, что то умение «быть боярыней», которым она сейчас пыталась овладеть, через много веков назовут наукой управления и разложат по полочкам.

Если сравнить, каким образом привлекают и подчиняют людей трое управленцев — попаданец Михаил Ратников, воевода Корней Агеич и боярыня Анна Павловна, то можно заметить любопытную зависимость.

Михаил хорошо знает и практику, и теорию управления, то есть из них троих он самый квалифицированный управленец. Он привлекает нужные ему кадры без малейшего насилия и расставляет людей по местам самым мягким способом: предоставляет им возможность проявить скрытые до того способности и таланты. Люди в крепости расцветают, не только занимаясь любимым делом (ну или тем, к которо-

му они более всего склонны), но и получая за это достойное вознаграждение: прежде всего — возможность быстро, без оглядки на прежние обычаи и традиции, подняться вверх. Говоря проще, выбиться в люди. И при этом личное благополучие каждого из членов команды Михаила накрепко связано с общим благополучием вновь создаваемого сообщества, а самым страшным наказанием станет отлучение от новой, такой многообещающей и привлекательной жизни. В общем, «пряник» используется гораздо шире, чем пресловутый «кнут».

Нет, конечно, «истинно средневековые» методы Мишка тоже применяет, но не постоянно, а одноразово: одного из «дуэлянтов» убил, их урядника казнить приказал. От чрезвычайных ситуаций никто не застрахован.

Корней с теорией не знаком вообще, но искусству управления учился всю жизнь, поэтому все его знания основаны исключительно на собственном жизненном и командном опыте и мощнейшей интуиции. Он, что называется, управленец «от Бога», своеобразный талант-самородок, привлекает и подчиняет себе людей, используя принцип: «Без меня вы никто».

Новоиспеченные воеводские бояре вынуждены поддерживать Корнея, их судьба и личное благополучие теперь напрямую зависят от судьбы и благополучия самого Корнея и рода Лисовинов.

Власть со всеми ее правами и обязанностями становится наследственной, и это выгодно обеим сторонам. Наследники Корнея должны в будущем принять на себя такие же, как и он, обязательства по отношению к своим вассалам — наследникам воеводских бояр.

Да, бояре больше не могут выбирать военного вожда — сотника Ратнинской сотни, но и они теперь не просто десятники, которых, как и сотника, могли выбирать остальные ратники, они — бояре, владельцы (по европейским понятиям — бароны), передающие своим детям по наследству и свое положение, и свои владения. Разумеется, это накладывает на них новые, соответствующие обязанности, не без этого, но власти без ответственности не бывает. Таким образом, и кнут, и пряник Корней использует примерно поровну.